ИНВАРИАНТ ТЕКСТА: СТРАТИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Е.М. МАСЛЕННИКОВА
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», г. Тверь

Сложившиеся в разных теориях перевода и моделях перевода подходы к определению понятия «инвариант» представлены как: 1) результативно-статистический подход; 2) каузирующий подход; 3) стратификационный подход. Статья посвящена анализу стратификационного подхода к определению понятия «инвариант».
Ключевые слова*: *перевод, инвариант, трансформация, фрейм, коды, концепты

TEXT INVARIANTS: STRATIFICATION APPROACH

E.M. MASLENNIKOVA

The existing translation theories and models of translation develop different approaches to the definition of the term “invariant” that can be represented as: 1) productive and statistical approach; 2) cause approach; 3) stratification approach. The article focuses on the analysis of the stratification approach to the definition of "invariant".
***Keywords**: translation, invariant, transformation, frame, codes, concepts.*

Стратификационный подход к определению инварианта перевода представлен в исследованиях, авторы которых придерживаются герменевтического, интерпретативного, когнитивного, психолингвистического, синергетического подхода к переводу как процессу и результату переводческой деятельности. Общим параметром является категория смысла – личностного, авторского, читательского, пережитого и т.д., поскольку потери, практически всегда имеющие место при переводе, часто компенсируются вводом личностных смыслов, «приписываемых» тексту переводчиком, или усилением системы авторских смыслов из-за субъективного преломления текста. Часто нововведенные смыслы вытесняют исходные.

Психолингвистическая теория перевода [7 и др.] определяет перевод как специализированный вид речевой деятельности, поэтому в рамках *психолингвистической модели* перевода [6 и др.], в качестве инварианта выделен смысловой код, являющийся универсальным кодом. Переводчик признаётся полноправным членом триады «автор ↔ текст ↔ читатель», чья читательская проекция превращается в речь–для–других–и–от–имени–других. Результат переводческой деятельности представлен как переводческая проекция текста. Со временем происходит не только смена представлений о тексте, но и изменения в средствах языкового выражения культурных смыслов. Категория личностного смысла позволяет говорить о Мире слова, определяющем связи слова в субъективном лексиконе индивида. Динамический характер связей СЛОВА относительно Мира слова, а также Мира текста, Мира автора и Мира читателя, задаёт направленность процессов актуализации того или иного его значения. Двуязычная текстовая коммуникация перевода представляет собой совмещенную деятельность автора, переводчика как первичного читателя текста оригинала, созданного на исходном языке, и «его» вторичного читателя. В результате ак-

тивизации текста удваивается система кодов, из которой исходят непосредственные участники текстовой коммуникации. Идёт синхронизация / диахронизация кодов и кодовых регистров, (не)позволяющая читателю оказаться в одном кодовом регистре и на одном смысловом поле вместе с автором текста. Специфика конкретного языка и культуры привносит свои особенности (лингвистические, экстралингвистические, прагматические) в формирование прототипического представления об элементах структуры и организации текста, влияя на вариативность их заполнения.

Синергетическая модель перевода обращается к понятию «доминанта» и исходит из того, что в процессе перевода как синергетической деятельности [3 и др.] часто наблюдается приписывание переводчиком новых смыслов исходному тексту. Инвариантом будет слово, «запускающее» синергетический процесс смыслопорождения, в функции креативного аттрактора текста. Итак, в сказке О. Уайльда персонифицированный образ *Avarice* ‘алчность, жадность, корысть’ сообщает *Смерти* / *Death* о войне в регионе под названием *Tartary*. Географическая «привязка» событий к далекой *Tartary* является обычной для англоязычной литературы. Характеристики, приписываемые определённой координате Мира, отражают внутреннее состояние наблюдателя, когда за *Tartary* скрывается отгороженное от остального мира «свое» пространство. «Свой» Мир кажется организованным и упорядоченным, а Мир ЧУЖИХ представляется запутанным и хаотичным. В романе «The Farther Adventures of Robinson Crusoe», герой Д. Дефо, посетив территорию *Grand Tartary*, отмечает хорошее состояние местных дорог, но в переводе З.Н. Журавской (1935) территориальная «привязка» снята, возможно, из-за идеологического фактора. В. Чухно даёт разъяснение: «Татария – так в древности называли огромную территорию между Днепром и Японским морем». Другой переводчик усиливает абстрактно-мифический фон событий в *Тартарии*.

There is war in the mountains of Tartary, and the kings of each side are calling to thee. O. Wilde. The Young King ↔ *В горах Тартарии бушует война, и оба воюющих там царя призывают тебя*. О. Уайльд. Юный Король (Перевод С. Ильина)

В *интерпретационной теории* перевода [2 и др.] за инвариант принимают образную систему оригинала, национальный колорит и национальную ментальность. Положения работ А.Н. Крюкова легли в основу *герменевтической модели* перевода, согласно которой перевод предстаёт как процесс вторичного понимания исходного текста, «перепонимаемого» переводчиком для вторичного читателя, тогда как первичное переводческое понимание – это его обращение к тексту с позиций первичного читателя. Синтез интенционального смысла в процессе вторичного понимания требует принимать во внимание социально-психологические и ролевые установки. Иная реализация принятой в определенной культуре типовой программы поведения, зафиксированной в конкретном тексте, дезориентирует читателя. К интерпретационной теории перевода близки взгляды Н.В. Коптилова [1 и др.], выделяющего в качестве критерия соответствия текстов оригинала и перевода соотносимость их художественных структур, а под инвариантом перевода предлагается понимать художественную (идейно-образную) структуру, включающую образы текста, систему ключевых

понятий, авторскую оценку и концепцию. Выход на художественную структуру обеспечивается через сохранение образов, поэтому традиционно выдвигается требование переводить образ образом [5]. Отталкиваясь от авторского описания внешности героя (*He looked as if he had stepped out of the past century*), переводчик изменяет отсылку на имя собственное и связанный с ним инвариант восприятия прецедентного имени:

Willis Pollack was a tiny man in his eighties, and he looked like a miniature Buffalo Bill. He had white moustaches, a neatly trimmed goatee, a long hawk-like nose and alert brown eyes. J.H. Chase. Hand Me a Fig Leaf ↔ *Маленький человечек лет восьмидесяти очень напоминал положительных героев Диккенса: великолепные седые усы, аккуратно подстриженные бакенбарды, длинный, немного крючковатый нос и живые карие глаза…* Д.Х. Чейз. Что скрывалось за фиговым листком (Перевод П.В. Рубцова)

Внутреннее программирование определяется ситуацией текстовосприятия и текстопорождения. Реализация плана содержания предполагает создание предтекста, композиционное и смысловое распределение материала, следуя выработанной целевой схеме. Правила оперирования готовыми эталонами смысла применяются автоматически к набору слов. Активизатором соответствующей сцены и/или сценария выступает СЛОВО в контексте, которое сравнивается с зафиксированным в стереотипном эпизоде. В концептуальный образец также входят знания и представления о «нормальной» ситуации в реальном мире. В сказке О. Уайльда «The Happy Prince» (1888) статуя Принца жертвует рубин, сапфиры и покрывающее её золото бедным людям, среди которых заболевший маленький мальчик.

In a bed in the corner of the room her little boy is lying ill. He has a fever, and is asking for oranges. His mother has nothing to give him but river water… The boy is so thirsty, and the mother so sad. … The boy was tossing feverishly on his bed, and the mother had fallen asleep, she was so tired. O. Wilde. The Happy Prince

Критерий включения составляющих в сценарный фрейм связан с зафиксированными в концептуальных структурах памяти данными о конкретной и/или стереотипной ситуации, её основных функциональных параметрах и свойствах, с социальными и стилистическими конвенциями и нормами. Фантазия переводчика не только заполняет сложившийся типовой фрейм «лечение», включающий участников «больной», «врач», их социальные и коммуникативные роли, но и расширяет исходный Мир текста.

Мальчик заболел, у него температура, ему хочется пить. Он просит апельсин. Чтобы выздороветь, нужны фрукты и, конечно, лекарства тоже. Но у мамы нет денег, чтобы их купить... Там спал мальчик и во сне стонал… Мама продала рубин ювелиру, позвала доктора, купила всё, что он прописал, и десять апельсинов из теплицы. Сын поел, выпил лекарство, уснул, вечером открыл глаза, сказал, что ему лучше, и снова уснул. Я думаю, завтра он выздоровеет. О. Уайльд. Счастливый Принц (Перевод В. Гетцель, 2012)

В основе *модели* «*Смысл–Текст*» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского лежит идея о существовании обобщенных универсальных смыслов в языке, выражаемых различными средствами. Асимметричность отношений внутри пары «Смысл–Текст» вызвана тем, что один текст может быть основой для нескольких интерпретаций, которые выявляют различающиеся полностью или частично системы смыслов. Смыслы, образующие смысловую систему текста и основной метасмысл (художественную идею), могут быть синонимичными или

омонимичными, полностью противоположными. И.А. Мельчук [4] называет языковой смысл и перефразирование центральными понятиями модели «Смысл–Текст», подчёркивая, что понимание – это постоянный двунаправленный процесс перехода от смысла к тексту и от текста к смыслу.

В режиме «текст ↔ читатель» происходит активизация мира читателя, который проживает сопричастность к текстовым событиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коптилов В.В. Трансформация художественного образа в поэтическом переводе // Теория и критика перевода. – Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1962. – С. 34–41.

2. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Военный Краснознаменный ин-т, 1989. – 42 с.

3. Кушнина Л.В. Основные принципы синергетики перевода // Вестник Удмуртского ун-та. – 2011. – № 5–4. – С. 173–177.

4. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.

5. Соболев Л.Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. – М: Сов. писатель, 1955. – С. 250–309.

6. Финагентов В.И. Психолингвистический анализ трансформаций текста при переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1982. – 17 с.

7. Ширяев А.Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 68–78.